

• МУЗЫКАЛЬНАЯ
ЛЕНИНИАНА

ШЕСТАЯ СИМФОНИЯ ЧАЙКОВСКОГО

В сокровищнице мировой культуры есть особые создания искусства. В них художник проявляет всю мощь своего мастерства, все умение воплотить — в звуках, ли, красках или словах — образы человеческой жизни, ее радости и горести, тончайшие оттенки переживаний или эпические картины истории. Такие произведения — великие памятники эпохи, в них запечатлены конкретные приметы времени, волнующие думы и чувства. Они остаются жить на века.

К подобным произведениям относится Шестая симфония П. И. Чайковского. Как много связано с этим сочинением у каждого, кому музыка приносит высокое духовное удовлетворение!

Чайковский — один из любимых композиторов В. И. Ленина. Его музыку Ленин ценил за глубокую человечность, искренность и эмоциональность. Немало светлых и волнующих минут в жизни Ильича, испытываемых от встречи с музыкой, связано с этим сочинением. В одном из писем к

матери он сообщает: «Недавно был в хорошем концерте и остался очень доволен, особенно последней симфонией Чайковского».

Шестая симфония — ледяная песня композитора. 16 октября 1893 года она впервые была исполнена под управлением автора в Петербурге. А через 9 дней Петр Ильич скончался.

Последнее сочинение во многом необычно по содержанию. В нем Чайковский словно подводит итог своей жизни, мысленно пробегая по отдельным ее этапам.

Начиная с 1890 года, он набрасывает план симфонии с названием «Жизнь». Сохранившиеся рукописи и пометки рассказывают о замысле музыканта. Вот одна из записей. «Первая часть — вся порыв, уверенность, жажда деятельности. Вторая часть — любовь. Третья — разочарование. Четвертая кончается замешательством». Этот замысел не был осуществлен.

На рубеже последнего года жизни, уже в канун сочинения симфонии, Чайковский встретился со своей первой наставницей гувер-

нантой Фанни Дюрбах. Эта встреча оживила воспоминания детства, в его памяти промелькнули образы прожитой жизни. «По временам я до того переносился в это далекое прошлое, что делалось как-то жутко и в то же время сладко, и все время мы оба удерживались от слез».

Вероятно, эта встреча еще больше укрепила его в мысли создать симфонию как философскую поэму о человеческой жизни.

Музыка создавалась в состоянии творческого горения, с невероятным пылом и стремительностью. «В симфонию эту я вложил, без преувеличения, всю мою душу... Считаю ее наискреннейшей из всех моих вещей», — так характеризует Чайковский в письмах свое новое произведение.

Начало симфонии почти неотделимо от тишины. В нем заложена глубокая сосредоточенность, большое волевое усилие перед нелегким разговором о том, что накопилось на душе. Из глубин оркестра медленно, тяжело поднимается сумрачный мотив — он звучит как неотвратимый вопрос (вспоми-

нается авторское «Зачем? Для чего?» в эскизах симфонии).

В следующее мгновение у этого мотива рождается основная тема первой части. Это уже беспокойная мысль, словно человек в смятении ищет выхода, ответа на мучительный вопрос.

Может быть, вся прожитая жизнь даст ответ? Музыка наполняется ожиданием — и вот словно солнечный луч, пробившийся из-за облака — начинает звучать певучая мелодия скрипок, удивительно нежная и теплая, прекрасная как мечта. Эта мелодия говорит о красоте жизни, о лучшей ее поро — юности, о надеждах, вере в счастье. Она словно излучает добро человеческой души.

И вдруг — страшный удар! Неожиданный, ошеломляющий, он сразу разрушает воздвигнутый было мир красоты и счастья. За первым следует второй, третий, как раскаты грома среди ясного неба. Мечется и трепещет беспокойная тема под натиском суровых возгласов труб и тромбонов. Начинается ожесточенный поединок с силами зла. Все рушится. Кажется нет спа-

сения. В партии медных инструментов звучит мотив заупокойной молитвы. В отчаянии все силы брошены против грозного призрака.

На вершине поединка на фоне рокота литавр вступает потрясающий по силе диалог стонущих мятежных скрипок и трагических воплей тромбонов, в которых слышатся изуродованные интонации мелодии счастья. Последние глухие вздохи, и все исчезло. Наступила страшная тишина — как будто окаменела от горя душа.

Но ее пробуждает к жизни возникающая издалека мелодия прекрасной мечты. Однако в звучании этой мелодии слух улавливает нотки горестного, щемящего чувства — отзвуки пережитого.

Во 2-й части симфонии возникают светлые, чуть подернутые дымкой грусти, воспоминания. Непринужденный, мечтательный, романтический вальс рисует в воображении картину поэтического бала, воскрешая образы светлой, ничем не омраченной юности.

Но в эту атмосферу пленительно-светлого восторга врываются звуки глубоко скорбной, жалобной песни, сжимая сердце горьким

предчувствием. Не так ли горе неожиданно прерывает безмятежное течение жизни?

Третья часть симфонии — скерцо-марш пронизан безостановочным суетливым движением, в недрах его постепенно вызревает властная тема марша. Наконец, она всецело завладевает оркестром, достигая ослепительно-го блеска.

Что же хотел выразить композитор в этой части? Возможно, в ней отразились впечатления, связанные с внешне блестящей, увлекательной жизнью большого артиста, с ее суетою, шумными встречами, ликованием публики.

Но марш этот не радует, он лишен тепла и вселяет неосознанное чувство тревоги. Он производит впечатление предельного напряжения жизненных сил. Это и упоение деятельностью, и предчувствие трагического конца, ибо чем интенсивнее, напряженнее протекает жизнь, тем скорее она истощает себя, тем ближе ее конец...

Об этом медленном угасании человеческой жизни повествует финал симфонии. В

нем как бы сосредоточилась вся горечь расставания с бытием, вся скорбь утраты душевных сил. В стонущей, рывающей мелодии скрипок звучит безнадежность, отчаяние.

Несмотря на горестное сознание бессилия, в душе человека сильна жажда жизни. Как луч надежды звучит вторая светлая мелодия. Но сознание приближающейся смерти еще более обостряет чувство обреченности и страстного протеста против чудовищной несправедливости природы, отнимающей у человека самое дорогое — жизнь.

И все же, несмотря на трагический конец, симфония не оставляет впечатления тяжелой безысходности, ибо эта поэма о жизни прекрасной, наполненной верой в счастье, борьбой за него. Вспоминаются слова Байрона.

Я не скорблю о днях
былых
Не страшно новых проз
Больней, коль нету ничего
Что стоило бы слез.

Э. ГУН,
преподавательница музыкального училища имени Глинки.